

УДК 316 (075.8)

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ХРИСТИАНСТВО:
ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ**© 2014 г. *К. В. Воденко**, *С. А. Тихоновскова*****Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону****Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)*

Статья посвящена исследованию взаимосвязи и взаимовлияния социально-экономических институтов и христианства. В статье рассматривается историко-социологическая традиция изучения соотношения религии и экономики (М. Вебер и др.). На основе обращения к работам русских мыслителей (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, В. И. Ильин, В. С. Соловьев и др.) рассматриваются проблемы труда, собственности, распределения, специфика хозяйственной деятельности в свете официальных доктрин христианских церквей. Делается вывод о том, что внедрение христианских принципов хозяйствования диктуется самим ходом глобального развития современной экономики.

Ключевые слова: *социальный институт; экономика; религия; христианство; труд; собственность.*

The article deals with the study of the relationship and interaction between social and economic institutions and Christianity. Authors discussed the historical and sociological tradition of studying the correlation between religion and economics (M. Weber etc.) Basing on the ideas from the writings of Russian thinkers (N. Berdyaev, S. Bulgakov, V. Ilyin, V. Soloviev etc.), authors examined the problems of labor, ownership, distribution, special economic activities in the context of the official doctrines of the Christian Church. It is concluded that the introduction of Christian principles to management strategy is conditional on the courses of the modern global economy.

Key words: *social institution; economy; religion; Christianity; labor; property.*

Многообразие социальных институтов ведет к необходимости выделения репродуктивных (семья); экономических (собственность, финансовая система, торговая система, хозяйственные объединения и др.); политических (государство, политические партии, армия, правоохранительные органы, профсоюзы, общественно-политические объединения и т. д.) и социокультурных институтов (образование, наука, искусство, религия и др.). Христианская религия «представляет собой один из наиболее важных социальных институтов, включающий систему социальных норм, ролей, обычаев, предписаний, стандартов поведения, организационных форм и играющий решающую роль при

конструировании человеком социальной реальности на протяжении большей части его истории» [1, с. 267].

Изучение социального института религии предполагает рассмотрение социальных условий ее возникновения, места и роли религии в функционировании и развитии социальной системы; социальных закономерностей функционирования и развития религии как специфической подсистемы в контексте развития социальной системы в целом и изменения социальной структуры и взаимодействия ее элементов; изменения характера взаимодействия между религией и другими социальными институтами. В социологических теориях религия рассматривается

как фактор, способствующий поддержанию стабильности общества и одновременно как фактор, стимулирующий его развитие. В современной социологии религии разрабатываются концепции эволюции религии как двухстороннего процесса: «воздействия религии на общество и развитие самой религии под влиянием социальных факторов» [1, с. 267]. Основным ключевых теоретико-методологическим принципом современной социологии, позволяющим раскрыть особенности развития религии и ее влияния на общество, является теория социальных институтов, развиваемая в контексте структурно-функционального анализа и неoinституционализма. Важным этапом истории функционалистских представлений в социологии религии стал американский структурный функционализм в лице Т. Парсонса и Р. Мертонса [2; 3].

В современных условиях поиска новых моделей социально-экономического развития актуализируется проблема специфики взаимодействия института религии и экономических социальных институтов. На данную проблему обращали внимания классики социальной философии и социологии (М. Вебер, В. Л. Брентанно, В. Зомбарт и др.). Среди зарубежных концепций соотношения религии и экономики мы остановимся на работах М. Вебера, посвященных культурному значению капитализма. Работа «Протестантская этика и дух капитализма» [4] в двух частях и собранные в «Хозяйственной этике мировых религий» [5] статьи вместе с соответствующей главой в «Хозяйстве и обществе» были объединены И. Винкельманом под общим заголовком «Социология религии».

Основное внимание М. Вебера в «Протестантской этике» и других работах по экономической этике было направлено на изучение культурного значения современного капитализма, то есть его интересовал капитализм не как экономическая система или результат классовых интересов буржуазии, а капитализм как повседневная практика, как методически-рациональное поведение. Согласно М. Веберу, экономическая практика как черта культурной жизни общества свидетельствует о значении и воздействии религии на его развитие и формирование. Протестантская этика, особенно ее аскетическая разновидность, внесла немалый вклад в культурную основу

современного капитализма. Особую роль сыграли такие его черты, как идеал профессионального труда и «внутримирской аскезизм» (в противоположность «внемирскому аскетизму», например, буддийских монахов), то есть обязательство скромного образа жизни в сочетании с активной деятельностью в миру и неутомимым трудом. При этом индивид нес ответственность только за себя и свою веру. Следствием этих свойств аскетического протестантизма, или пуританства, было то, что на этическом поведении основывалась вся жизнь, а не только ее религиозно-церковная сфера. Человек становился «доходной машиной Бога», а труд превращался в самоцель. На основе протестантской этики возникло не только современное предпринимательство с его капиталистическим расчетом, но и эксплуатация рабочих во имя веры и равнодушие к нищете, которая, как считалось, была результатом собственной вины [6, с. 219–221].

Стимулы, берущие свое начало в религии, продолжали существовать даже после того, как исчезли собственно религиозные импульсы. Вера исчезла, а методически-рациональная форма поведения осталась. М. Вебер рассматривал современный ему капитализм отнюдь не как основывающийся на религии, а видел в ней, скорее, «пустую скорлупу», которая без духовного наполнения была близка к механическому окаменению. Примечательно указание М. Вебера, что евреи не могли заложить основы той религиозно-культурной позиции, которая стала исходной для современного капитализма, а даже были диаметрально противоположны ей, поскольку в сфере экономики они являют собой тип спекулянта, а не рационального специалиста.

В «Хозяйственной этике мировых религий» М. Вебер исследовал воздействие религий на практическое поведение, прежде всего экономическое поведение; при этом рассматривались также связи между религиозными идеями и социальными слоями. Религиозное было для него «вне-будничным»; по крайней мере, прежние культы и религиозные идеи сознательно и намеренно помещаются вне повседневного контекста жизни. Однако если они распространяются и охватывают большое число верующих, становятся церквями или

сектами, то им до определенной степени приходится вновь становиться более светскими.

Великие мировые религии, как правило, развивались из магических и ритуальных начал в «рациональные» учения и систему церкви; но иногда процесс протекал наоборот: от спиритуалистически-интеллектуальных идей до массовых магически-ритуальных культов (буддизм). Если иудаизм, ислам (который Вебер не рассматривает), пуританизм и конфуцианство могут считаться подходящими для мирской жизни религиями, то для буддизма, джайнизма, ламаизма и раннего христианства типично отрицательное отношение к миру. Но лишь пуританство смогло сломать стереотипы и традиционное отношение, которые были свойственны религиям в их отношении к хозяйственной и практической жизни и даже воздействовать на них обновляюще.

М. Вебер исследовал вопрос, какие слои первоначально являлись носителями великих мировых религий. Так, крестьяне никогда не были носителями немагических культов, но и предшественники «буржуазии», купеческие и торговые слои, также всегда имели пристрастие к «посюсторонним» религиям с ярко выраженными магическими чертами. Особым случаем является конфуцианство как «религия чиновников», поскольку чиновники, как правило, не принадлежат к ведущим религиозным группам. Дворянство также редко было носителем религиозных идей, кроме как в связи с его ролью в образовании общины или в религиозных войнах (ислам, сикхи, буддийские монахи-воины, крестоносцы). Древнее христианство было типичной религией ремесленников и городским явлением, то есть кровное родство и кланы не играли важной роли. Таким образом, если деревенские ремесленники, остававшиеся в рамках своего рода (например, в Индии) имели склонность к магической и ритуальной религиозности, то городские ремесленники были носителями рациональной религиозности. Разница состоит также в том, что религии верхних слоев в общем и целом легитимировали существующее устройство жизни, в то время как религии низших слоев обещали лучший жребий в мире земном или мире ином, спасение, а иногда и отмщение на том свете [6, с. 223–225].

Обозначенная историко-социологическая традиция исследований взаимоотноше-

ний экономики и религии была продолжена в работах отечественных религиозных мыслителей (Л. П. Карсавин, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, В. И. Ильин, В. С. Соловьев и др.) при исследовании таких понятий как «прогресс», «благо», «труд», при изучении влияния религии на производственные отношения в обществе. Основные идеи русских религиозных мыслителей о влиянии христианства на развитие социально-экономических институтов легли в «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви».

Прогресс общества насыщен противоречиями. В нравственном аспекте в нем неразрывны два полюса — добро и зло. Вся история цивилизации есть история борьбы классов, народов, государств. В этой борьбе, то скрытой, то открытой, побеждает в итоге зло. Такой ход истории был неизбежен, утверждают и буржуазные экономисты, и основатели научного коммунизма. Так сотни миллионов людей на тысячелетия были принесены в жертву прогресса, в жертву тому «светлому будущему», заманчивые контуры которого веками витали в воспаленной фантазии прогрессивных светских мыслителей, идеальная конструкция которого так и оставалась призраком, уплывающим за исторический горизонт. Так вместо сказочного Эльдорадо из пламени гражданских и международных войн выплывали лишь общества с новыми формами эксплуатации и социального гнета. Так общественный прогресс, осуществляемый за счет бедствий народных масс, закономерно породил фашизм — идеологию и практику порабощения народов нациями, стоящими на передовых рубежах научного и технического прогресса.

Экономической концепции светского общества христианство противопоставило свою экономическую концепцию. Ее суть составляет не прогресс (научно-технический, экономический, любой иной), а благо, добро. Благо — это рост духовного и материального богатства каждого человека, каждого класса, каждой нации, улучшение качества жизни всех людей, а не только обособившейся от народа социальной элиты. Достижение блага, бесспорно, предполагает рост интеллекта, совершенствование способа производства, но не как самоцель, а как средство обеспечения всеобщего мира и благополучия, все-

общего процветания и счастья. Приоритетен для блага — не интеллект, а этика. Этика космическая, социальная и личностная.

Выйдя из первобытного общества, в котором сами условия существования диктовали коммунистические нормы бытия, человечество создало более совершенное хозяйство, основанное на разделении труда, и начало быстрое накопление богатств. Различие людей по интеллекту и роду деятельности, деление труда на труд управленческий и труд сугубо исполнительный не должно было, по христианским канонам, привести к имущественному расслоению людей. Благами прогресса должны были пользоваться все. Добродетель, писал блж. Августин, «не рядится в пурпурные тоги, не блистает роскошью, а носит плащ нищенки». Материальное благополучие, свобода и равенство людей независимо от того, какое место они занимают в производственной иерархии, обеспечило бы истинный почет вождям народа, максимальную трудовую активность каждого человека, высокую экономическую эффективность общественного производства. Однако религиозные добродетели были грубо попораны обособившейся от народа племенной верхушкой. Произошло расслоение общества на антагонистические классы. Рабы не были заинтересованы в развитии хозяйства, ломали орудия труда, подчас восставали. Огромные силы и средства были отвлечены от общественно полезного труда, брошены для реализации далеко не созидательных целей. Феодалное и капиталистическое общества лишь увеличили масштабы и остроту антагонизма. В сменяющихся друг друга войнах гибла наиболее производительная рабочая сила, истреблялись огромные материальные ценности. Не в целях созидания, а в целях разрушения зачастую использовались и лучшие достижения научно-технического прогресса.

Этот коренной порок присущ и современному обществу. Значительный рост вещественного богатства сопровождался в XX веке небывалым ранее ростом жестокости, преступности, разврата, бездуховности. Жизнь еще раз подтвердила истинность слов апостола Павла: «Мудрость мира сего есть безумие перед Богом» (1 Кор. 3:19). Н. А. Бердяев писал: «Земной дух человечества, пошедшего по пути змия, загипнотизировал человека

заманчивой идеей прогресса и грядущего в конце прогресса земного рая, и так обольщен был человек, что не заметил безумия своего служения прогрессу и своего подчинения счастливым грядущего рая. Прогресс цветет на кладбище, и вся культура совершенствующегося человечества отравлена трупным ядом» [7, с. 123]. Современное производство, констатируют «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», «способствует улучшению материальных условий жизни человека. Однако обольщение достижениями цивилизации удаляет людей от Творца, ведет к мнимому торжеству рассудка, стремящемуся обустроить земную жизнь без Бога. Реализация подобных устремлений в истории человечества всегда заканчивалась трагически.

В Священном Писании (Библии) сказано, что первыми строителями земной цивилизации были потомки Каина: Ламех и его дети изобрели и произвели первые орудия из меди и железа, переносные шатры и различные музыкальные инструменты, они были родоначальниками многих ремесел и искусств (Быт. 4:20–22). Однако они вместе с другими людьми не избежали соблазнов. «Всякая плоть извратила путь свой на земле» (Быт. 6:12), а потому по воле Творца цивилизацию каинитов завершает потоп.

Труд как благо, как добродетель имеет, согласно социальной доктрине христианства, три основных аспекта.

Труд, во-первых, призван быть существенной частью космической эволюции. «С христианской точки зрения, — подчеркивают Основы социальной концепции РПЦ, — труд сам по себе не является безусловной ценностью. Он становится благословенным, когда являет собой соработничество Господу и способствует исполнению Его замысла о мире и человеке». Труд, делающий общество богаче, но губящий природу, есть космическое зло. Поэтому ведет человечество к гибели. Столь же пагубны и мечты о блаженной жизни без труда, о сказочной земле, где текут молочные реки в кисельных берегах, о рае, в котором царствует безбрежная праздность. Космический промысел не терпит «тунеядства», он устраняет все бесполезное с предначертанной эволюции Вселенной. Истинный смысл жизни человека, отмечал И. А. Ильин, состоит «в труде над

созиданием Царства Божия», в труде, в котором человек постигает все величие и красоту мира и «начинает чувствовать себя орудием высших сил» [8, с. 317, 320]. Такое религиозное понятие труда принципиально несовместимо с буржуазной концепцией гражданского общества, превратившего человека в центр мироздания, а его эгоизм — в основу всей социально-экономической системы.

Человек отверг это горнее понятие труда. Вместо того чтобы своим творчеством войти в объективную эволюцию природы, он начал ее «покорение» и хищническое потребление: это экономическая модель потребительского общества с ее рыночным регулятором, распространяемая Западом по всему миру. Только заменив модель экономики, основанной на неудержимо растущем потреблении природных факторов, на принципиально новую модель, только включив ее в «ткань универсума», человечество обеспечит свое будущее.

Труд, во-вторых, призван стать основой истинно гуманного общества. Напоминая эту прописную истину, церковь подчеркивает: взаимодействие людей в процессе труда должно быть основано не на эгоизме и меркантилизме, как в настоящее время, а на добродетели, на заботе о всеобщем благе и бескорыстной взаимопомощи. Каждого человека, каждый класс, каждую нацию религия оценивает в социальном аспекте не столько по их вкладу в создание вещного богатства, сколько по тому, обеспечивают ли они не на словах, а на деле достижение мира и согласия в обществе, материальный достаток, безопасность и уверенность в будущем каждому человеку. Изобилие товаров при нищете значительной части населения, а тем паче при его вымирании, есть не благо, а зло. Не корысть, не национальный эгоизм, а искренняя доброжелательность и взаимопомощь должны господствовать и на международной арене. Слияние интересов наций, учит церковь, не может, произойти на чисто экономической основе — оно требует их предварительного нравственного, мировоззренческого, религиозного объединения.

Утверждение общественной добродетели имеет вторую сторону — борьбу со злом. Борьбу инициативную, компетентную, последовательную. Эгоизм и меркантилизм, лишённые нравственных основ, неизбеж-

но порождают коррупцию, организованную преступность, стремление устранить конкурента, для чего используются подчас любые методы, вплоть до заказного убийства. Непротивление злу оправдано лишь в сфере личной жизни, учит церковь. В обществе оно означало бы де-факто расчистку поля для торжества зла. Необходимо помнить также, что в экономике, как и в других областях общественной жизни, зло, как правило, гримируется под добро. «Вокруг похоти наживы, вокруг самодовлеющей любви к деньгам, — отмечает Н. А. Бердяев, — создается один из самых фантазмагорических (т. е. призрачных — *авт.*) миров, наиболее оторванных от мира реальности, от бытия. Таким фантазмагорическим миром является мир капитализма, мир банков, биржи, бумажных денег, чеков и векселей, реклам, конкуренции и погони за легкой наживой... Этот фантастический мир, живущий по своему закону и не желающий знать закона Божьего, есть создание человеческой похоти, эгоцентрических страстей, в которых человек теряет свободу и образ Божий» [9, с. 162]. Закрытый коммерческой тайной, этот огромный спрут, принявший глобальные размеры, служит лишь тем, кто имеет капитал, то есть незначительному меньшинству населения.

В диалектике добра и зла церковь выделяет еще один аспект. «Против Бога, — пишет Н. А. Бердяев, — восстало не только зло, но и добро, неспособное примириться с самим фактом существования зла. Атеизм имеет свои корни не только в зле, но и добре» [9, с. 37–38]. Когда жизнь становится нестерпимой, народные массы зачастую восстают и начинают уничтожить агентов социального зла. Однако пока личные интересы предопределяют поведение каждого человека, победа угнетенных над угнетателями ничего в принципе не меняет. Социальные полюса лишь меняются местами. Парадокс в том, что угнетенные никогда не господствуют, ибо в момент победы они сами становятся угнетателями. «И потому никакие внешние революции в положении людей не соответствуют радикализму переворота, возмущенного Евангелием... Мораль Царства Божьего оканчивается не похожей на мораль мира падшего, находящегося по сю сторону добра и зла» [9, с. 105].

Труд, в-третьих, призван стать основой формирования нового человека. Человека, сознательно включившегося в космическую эволюцию как ее творческий элемент. Человека, способного создать истинное свободное, счастливое общество.

Свои социальные качества, напомним, человек приобретает путем социального наследства. «...В жизни личной все *действительное* ее содержание получается через общественную среду и так или иначе обусловлено ее данным состоянием, — писал В. С. Соловьев, — В этом смысле можно сказать, что общество есть дополненная или расширенная личность, а личность — сжатое, или сосредоточенное, общество» [10, с. 285–286]. Так общество, погрязшее в пороках, формировало каждого входящего в него с рождения по образу и подобию своему. А человек, воспитанный греховным, создавал и укреплял, в свою очередь, порочное общество.

Чтобы выбраться из этого смертельно опасного круга, учит религия, человек должен влиться в качественно более высокое — церковное сообщество, в котором он найдет образцы иного поведения, образцы братства, любви и добродетели. Обществу, основанному на алчности и похоти, человек должен противопоставить умеренный потребительский аскетизм, озаряемый растущим духовным богатством. В каждом человеке сконцентрирована огромная энергия. Поставленная на службу индивидуальному, классовому и национальному эгоизму, она, в конечном счете, ведет к гибели и человека, и всего общества. Добровольно поставленная на службу людям и объективно включенная в эволюцию мира, она обеспечивает подлинный прогресс человечества, счастье, безопасность и бессмертие личности. Выбор одного из этих путей — за самим человеком.

Такова, в основе, религиозная концепция труда. Светское общество отвергло ее, поэтому она была реализована, в той мере, в какой это было возможно сделать, в религиозных хозяйственных общинах.

Производственные отношения — это, напомним, отношения, которые объективно складываются между людьми в процессе совместного труда. В их структуре наука обычно выделяет как основные отношения собственности, отношения по обмену деятельностью

и отношения распределения. Каково их религиозное толкование и какое влияние оказывает на их формирование и эволюцию церковь?

Собственность — это беспрепятственное (закрепленное в государстве правом) владение, пользование и распоряжение духовными и материальными факторами производства. Собственность, отмечает В. С. Соловьев, заключена в самом существе человеческой личности. Она включает, прежде всего, меня самого: мои мысли и эмоции, которые я могу передать или не передать другим; мое тело, которым без моего добровольного согласия никто не вправе распоряжаться. Христианство изначально выступило против превращения человека в собственность другого человека, решительно осудило рабство. Полным счастьем будет возможным лишь в той жизни, писал Августин, «где никто уже не будет рабом». Нобилиям рабовладельческой Римской империи, считавшим убийство раба делом естественным и законным, христианство заявило: не убий, ибо раб — такой же образ и подобие Божие, как и ты. И не изнуряй его непосильным трудом: «Шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой — суббота — Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришелец, который в жилищах твоих: ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почивал...» (Исх. 20:9–11).

Провозгласив еще в начале нашей эры божественное право каждого человека на личную свободу, церковь стремилась повсеместно внедрить его в жизнь. И подчас добивалась довольно существенных успехов. Русская Православная Церковь в X–XIII веках произвела в русском обществе «такой решительный перелом, которого одного было достаточно, чтобы дать церкви место в ряду главных сил, созидавших наше общество». Церковь, во-первых, ввела в норму обычай благотворительного освобождения рабов по завещанию. Церковь, во-вторых, установила три случая обязательного отпуска раба (холопа) на свободу: 1) раба, прижившая детей от собственного господина, по смерти его обязательно освобождалась вместе с прижитыми детьми; 2) свободный человек, совершивший насилие над чужой работой, тем самым делал

ее свободной; 3) холоп или раба, которым причинено увечье по вине их господина, становились свободными.

Собственность человека на свое тело и интеллект находит свое естественное продолжение в его вещах, в собственности человека на включенные в его труд орудия, сырье, материалы и иные средства. Современная социальная концепция Русской Православной Церкви гласит: «Церковь признает существование многообразных форм собственности. Государственная, общественная, корпоративная, частная и смешанная формы собственности в разных странах получили различное укоренение в ходе исторического развития. Церковь не отдает предпочтение ни одной из этих форм». Социальная доктрина католицизма, принятая на Втором Ватиканском соборе, предусматривает: «Собственность и другие формы личной власти над внешними благами способствуют выражению личности, давая ей возможность проявить свою ответственность в обществе и в экономике... Частная собственность или некоторая власть над внешними благами обеспечивает каждому сферу необходимой личной и семейной автономии. Их следует рассматривать как проявление человеческой свободы... Формы такой власти или собственности ныне различны, и их разнообразие не перестает расширяться...» [11, с. 330]. Ватикан признает, что «государство может обладать собственностью на орудия и средства производства, если они являются источником экономического мощи, которую недопустимо передавать в частные руки, не рискуя подвергнуть опасности общее благо» [12, с. 328]. При этом отмечает, что любая форма собственности должна приносить экономические блага всему народу. Такое же понимание собственности присуще другим мировым религиям.

Выдающиеся представители русской православной философии выделяют в собственности еще ряд существенных свойств.

Они, во-первых, провозгласили приоритетной в собственности не ее материальную, а ее духовную сторону. «Проблема частной собственности, — подчеркивает И. А. Ильин, — сводится при таком понимании к вопросу, подобает ли этому творческому духовному центру иметь на земле некое прочное, вещественное гнездо, представленное ему и

обеспеченное за ним, — гнездо его жизни, его любви, деторождения, труда и свободной инициативы?» [13, с. 274]. Возможность создания такого вещественного «гнезда» для проявления человеческой любви и добродетели должно быть предоставлено каждому, и государство должно строго оберегать его. Такое «гнездо» может разрастись и в коллективное, и в национальное хозяйство, и вся эта экономическая система должна иметь надежную защиту.

Они констатируют, во-вторых, что труд и собственность неразрывны, что «основанием собственности признается труд, их производящий» [10, с. 433]. В. С. Соловьев провозгласил незаконной собственность, полученную путем военного захвата, национализации, приватизации и иным нетрудовым, несправедливым путем. В этом божественном миропорядке, писал он, есть лишь одно исключение — право наследственной собственности. Оно необходимо для сохранения преемственности руководства производством как существенного условия экономического развития. Однако наследственное право не должно породить социального слоя, ведущего за счет полученного по наследству богатства сугубо паразитический образ жизни.

Русские религиозные философы, в-третьих, акцентируют внимание на том, что источником собственности является не только и не столько труд, сколько материал, из которого производится предмет потребления. Что только использование объективных законов, присущих предмету труда, позволяет человеку успешно совершать его преобразование. Собственность должна обогащать, а не обеднять окружающую природу. И создание каждого нового предмета, как и всей второй, искусственной природы, должно вносить благо в космическую и социальную среду, в промысел Божий.

Отношения по обмену деятельностью — это отношения, порожденные общественным разделением труда. Светская политическая экономия выделяет в этой сфере экономики обмен деятельностью по «вертикали» — между трудом управленческим и трудом исполнительным (трудом умственным и физическим) и по «горизонтали» — между производителями различного рода продукции. Религия считает такое деление обоснованным.

ванным, однако далеко не полным. В сфере обмена деятельностью она выделяет как главный ее онтологический, трансцендентный аспект. Мир развивается по программе, заданной Творцом. Задача человека постичь логику его развития и занять соответствующую нишу в космическом разделении труда. Во вселенной один Субъект Управления — Бог. Его «Конституция» имеет прямое действие. Все люди, какое бы место они ни занимали в системе общественного производства, должны, прежде всего, следовать Его Воле. Все хозяйственные нормативные акты, не соответствующие предначертанной логике развития мира, должны быть приведены в соответствие с ней на всех уровнях и во всех звеньях общественного производства. Это требование, по невежеству или греховности, было попорно людьми. Они поныне пытаются подчинить эволюцию мира своим плотским, эгоистическим интересам.

Отношения по обмену деятельностью включают, во-вторых, обмен деятельностью между управленческим (умственным) и исполнительным (физическим) трудом в обществе. Отделение умственного труда от физического было существенной предпосылкой экономического и всего социального прогресса. Оно привело к созданию масштабных ирригационных сооружений, к резкому подъему культуры земледелия, ремесла, торговли, к преобразованию племен в народности, к расцвету искусств и формированию науки. Руководство производством объективно перешло от общества к его наиболее подготовленной элите. По законам Божиим общественная элита должна была использовать власть для мира и счастья всего народа, для блага каждого человека. Однако управленческий клан попорал законы Божии и создал антагонистическое эксплуататорское общество.

Было бы, однако, неправильно винить в этом лишь господствующие классы, учат богословы. После грехопадения Адама и Евы, писал Блаженный Августин, все люди оказались в рабстве у своей похоти, всеми ими овладела страсть к богатству, власти и наслаждениям. И пока все люди, за редким исключением, были таковы, основным стимулом развития общественного хозяйства был индивидуальный и групповой эгоизм. Замена людей у кормила власти ничего не

меняла: одна группа эгоистов и властолюбцев лишь менялась на капитанском мостике общественного корабля на, по сути, такую же другую. Поэтому Христос и произнес свое знаменитое: «Богу — богово, кесарю — кесарево». И завещал народу не бунтовать, не устраивать бессмысленные кровопролития, а освоить науку руководства, духовно возвыситься над уровнем властвующей элиты прежде, чем предъявить свое право на власть. Ибо, говорил Он угнетенным и эксплуатируемым, «если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф. 5:20).

Отчуждение от народа функций руководства и собственности извратило саму природу труда. Он стал для человека не радостью, не высшим проявлением его творческих сил, а проклятием, гасящим его творческие дарования. В итоге, человек стал чувствовать себя свободным только при выполнении своих животных функций, только при еде, питье, половом акте. В лучшем случае располагаясь у себя в жилище, украшая себя (К. Маркс).

Цель религии в экономической области — возвращение массам способности к руководству производством, поэтапное восстановление былого единства субъекта и объекта управления. Этот процесс должен начинаться с первичной клетки производства — предприятия. Его трудовой коллектив должен быть не только объектом, но и субъектом управления. «...Производство, — писал В. С. Соловьев, — не должно совершаться на счет человеческого достоинства производителей, и ни один из них не должен становиться только орудием производства» [10, с. 71]. Необходимо крепить союз капитала и труда, подчеркнуто в документах Второго Ватиканского собора. «...Сохраняя необходимое единство управления, следует наилучшим образом организовать активное участие всех в управлении предприятиями» [11, с. 330].

В последние десятилетия христианская концепция производственных отношений все шире внедряется в производство стран, вышедших в лидеры мирового экономического развития. В середине 1980-х годов «в ФРГ во всех крупных компаниях рабочим принадлежит половина мест в советах директоров. В США... Закон о предприятиях, принятый летом 1990 г., предусматривает, что половина

членов советов директоров предприятий избирается непосредственно от трудового коллектива, а другая половина — от акционеров» [13, с. 18–19]. Американский опыт последних лет показывает, что компании, находящиеся в совместной собственности работников, экономически более эффективны. «Именно опыт подобных предприятий убеждает почти 1000 американских кампаний ежегодно менять структуру владения акционерным капиталом и переходить к собственности работников» [14, с. 285].

Эта позитивная тенденция в экономике, ее приближение к христианским идеалам, была замечена и поддержана Ватиканом. В сентябре 1981 г. папа Иоанн Павел II призвал государства и бизнесменов к расширению участия работников в руководстве предприятиями как основе нового общественного согласия между рабочими, менеджерами и владельцами. «Каждый человек, — заявил он, — имеет право считать себя совладельцем верстака, за которым он работает вместе с другими». Он должен «разделять ответственность и творчески соучаствовать» в руководстве хозяйством [14, с. 259].

Внедрение христианских принципов обмена деятельностью в сфере производства диктуется самим ходом глобального развития современной экономики. Их посприание чревато весьма существенными негативными последствиями.

Отношения распределения характеризуют способы распоряжения произведенной продукцией. Они включают распределение предметов как производственного, так и личного потребления. Церковь исходит из того, что источником личного богатства должен быть труд. Однако со времени образования рабовладельческого общества главным источником богатства господствующих классов стала собственность. Именно она породила кричащую роскошь властвующего меньшинства на одном социальном полюсе и нищету — на другом. Для устранения этого мирского порока надо поднять приоритет и оплату живого труда. Заработная плата каждого работающего должна обеспечить ему материальный достаток и возможность всестороннего культурного развития. Большинство церквей решительно отвергает миф о врожденной лени и беспечности чело-

века. Религия напоминает: человек формируется обществом. Как образ и подобие Божие он наделен богатыми творческими дарованиями. И если эти дарования оказались не раскрытыми или подавленными, то в этом прежде всего повинно общество. Церковь издавна является защитницей бедных и угнетенных, занимается многоплановой благотворительной деятельностью.

Экономическая доктрина христианства остается, однако, невостребованной гражданским обществом. Экономика современного общества находится на позициях материализма и рационализма, занятых еще в XVIII в. Методологически ее отставание вполне объяснимо. В отличие, положим, от квантовой теории с ее геометрическим полем и виртуальными частицами экономическая наука опирается на сугубо материальную экспериментальную базу. Она не проникает в информационную, идеальную основу мироздания. Ей, отмечает С. Н. Булгаков, свойственен земной прагматизм.

Экономист оперирует материальными предметами и процессами. Он наполняет производственный план реальными людьми, средствами и предметами труда, прогнозирует, планирует, корректирует их взаимодействие с целью получения максимальной экономической, т. е. опять-таки материальной эффективности. Узкий прагматизм присущ в сфере экономики и ученому, и предпринимателю, и простому рабочему. «Между скудными знаниями хозяина-практика и научным опытом существует огромная количественная разница благодаря различию в методах, общирности, упорядоченности опыта, но качественной, принципиальной разницы нет» [15, с. 138]. Экономисту нет дела до того, что каждый предмет природы, каждый атом многими невидимыми нитями связан со всей вселенной, с ее объективной эволюцией. Творцу в его концепциях нет места. Этот взгляд, вполне объяснимый и совершенно безвредный в прежние времена, в эпоху современной научно-технической революции становится все более существенным тормозом экономического и всего общественного прогресса.

Человек, осознавая это или нет, своей хозяйственной деятельностью включается в объективную эволюцию мира. Он создает вторую природу, в которой воплощает свои

программы, реализует свои интересы. Эти программы могут войти в противоречие с программой развития Вселенной, с ее Логосом. И тогда искусственная природа, созданная человеком, становится для Вселенной инородным телом, и как инородное тело устраняется вместе с его локальными творцами. Чтобы покинуть эту смертельно опасную позицию, пишет С. Н. Булгаков, человечеству надо, наконец, осознать, что мир двойственен: духовен и материален одновременно. Производственной, как и всей своей деятельностью, общество должно слиться как с духовной, так и с материальной структурой и эволюцией мира.

Литература

1. *Воденко К. В.* Взаимодействие социальных институтов религии, науки и образования в современном обществе. // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Социально-экономические науки. — 2012. — №6. — С. 267–272.

2. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. — М.: Академический проект, 2000. — 880 с.

3. *Мертон Р. К.* Социальная теория и социальная структура. — М.: АСТ, Хранитель, 2006. — 880 с.

4. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. // Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.

5. *Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий. // Вебер М. Избранное. Образ общества. — М.: Юрист, 1994. — 704 с.

6. *Волков Ю. Г., Нечипуренко В. Н., Самыгин С. И.* Социология: история и современность. — Ростов н/Д: Феникс, 1999. — 672 с.

7. *Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества. — М.: Правда, 1989. — 607 с.

8. *Ильин И. А.* Путь к очевидности. — М.: Республика, 1993. — 431 с.

9. *Бердяев Н. А.* О назначении человека. — М.: Республика, 1993. — 383 с.

10. *Соловьев В. С.* Оправдание добра. Нравственная философия. // Соловьев В. С. Соч. в 2 т. Т.1. — М.: Мысль, 1988. — 822 с.

11. *Казанова А.* Второй Ватиканский собор: критика идеологии и практики современного католицизма. — М.: Прогресс, 1973. — 371 с.

12. *Григулевич И. Р.* Папство. Век XX. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2003. — 368 с.

13. *Попов В. В., Шмелев Н. П.* Лучше позже, чем никогда. // Экланд К. Эффективная экономика. Шведская модель. — М.: Экономика, 1991. — 350 с.

14. *Симмонс Д., Мэрс У.* Как стать собственником. Американский опыт участия работников в собственности и управлении. — М.: Аргументы и факты, 1993. — 304 с.

15. *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства. — М.: Наука, 1990. — 412 с.

Поступила в редакцию

27 июня 2013 г.

Константин Викторович Воденко — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и культурологии Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Южного федерального университета. Сфера научных интересов — философия науки, философия религии, институциональная социология.

Konstantine Victorovich Vodenko — Ph.D., Doctor of Philosophy, docent, head of Philosophy and Cultural Studies department at the Southern Federal University's Institute for Humanities and Social Science Teachers' Retraining and Refresher Training. Sphere of author's scientific interests includes philosophy of the science, philosophy of the religions and the institutional sociology.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: +7 (863) 264-30-20; e-mail: vodenko-kv@rambler.ru

Светлана Александровна Тихоновскова — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и экономической теории ЮРГПУ (НПИ). Сфера научных интересов — экономическая теория, муниципальное управление.

Svetlana Aleksandrovna Tihonovskova — Ph.D., Candidate of Economics, docent of SRSPU (NPI) state and municipal administration and economic theory department. Author's area of scientific interests includes the economic theory and methodology of managing for the municipal institutions.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132
132 Prosveshchenya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 25-54-26; e-mail: tihonovskova@yandex.ru